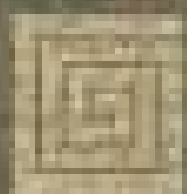

АЙН РЭНД

АТЛАНТ
РАСПРАВИО ПОЕЧИ

2

..."Что за чепуха?! – возмутится читатель. – Какой-то Голт, Атлант... Да и Рэнд эта – откуда взялась?" Когда три года назад я впервые услышал это имя, то подумал точно так же. Тем более что услышал его в невероятном контексте: Библиотека Конгресса США провела обширный социологический опрос, пытаясь определить, какая книга оказывает самое глубокое влияние на американцев. Первое место, разумеется, заняла Библия, а вот второе... «Атлант расправил плечи»! Глазам своим не поверил. Что же это делается?! Вроде бы дипломированный филолог, да чего уж там – кандидат наук, и специализация подходящая – современная романная поэтика, а ни о какой Айн Рэнд за сорок лет жизни слыхом не слыхивал. Что за наваждение?...

Айн Рэнд

Атлант расправил плечи

Книга 2

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ИЛИ – ИЛИ

Глава 1. Хозяин Земли

Доктор Роберт Стадлер расхаживал по кабинету, пытаясь избавиться от ощущения холода.

Весна запаздывала. В окне виднелась безжизненно-серая громада холмов, казавшаяся смазанной полосой между грязно-бледным небом и свинцово-черной рекой. Изредка какой-нибудь клочок холма вспыхивал серебристо-желтым, почти зеленым светом и так же внезапно затухал. Местами в сплошном покрове облаков образовывались разрывы, пропускавшие редкие лучи солнца, и через мгновение снова заволакивались. Стадлер подумал, что мерзнет он не от холода в кабинете, а от вида за окном.

Холодно не было – дрожь шла изнутри; за прошедшую зиму ему то и дело приходилось отвлекаться от работы из-за плохого отопления, поговаривали об экономии топлива. Ему казалось нелепостью возрастающее вмешательство стихии в жизнь и дела людей. Раньше такого не было. Если зима выдавалась необычайно суровой, это не создавало особых проблем; если участок железной дороги смывало наводнением, никто не сидел на консервах в течение двух недель; если во время грозы выходила из строя электростанция, то такое учреждение, как Государственный институт естественных наук, не оставалось без электричества в течение пяти дней. Пять дней бездействия этой зимой, вспоминал Стадлер, остановленные лабораторные установки и безвозвратно потерянное время. И это тогда, когда его отдел занимается проблемами, затрагивающими самую суть мироздания... Он в раздражении отвернулся от окна, но через мгновение вновь взглянул на холмы. Ему ужасно не хотелось видеть лежащую на столе книгу.

Где же доктор Феррис? Стадлер посмотрел на часы: Феррис опаздывал – небывалый случай! – опаздывал на встречу с ним. Доктор Флloyd Феррис, этот лакей от науки, который при встрече со Стадиером всегда смотрел на него так, будто просил извинения за то, что может снять перед ним только одну шляпу.

Погода для мая просто отвратительная, продолжал размышлять Стадлер, глядя на реку; и конечно же, именно погода, а не книга была причиной его скверного настроения. Он положил книгу на видное место после того, как отметил, что нежелание видеть ее было чем-то большим, чем отвращение, – к этому нежеланию примешивалось чувство, в котором нельзя признаться даже самому себе. Он внушал себе, что вышел из-за стола не потому, что на нем лежала книга, а чтобы немножко подвигаться и согреться. Стадлер расхаживал по кабинету, словно был заключен в пространстве между окнами и столом. Он подумал, что, как только переговорит с доктором Феррисом, сразу выбросит книгу в корзину для мусора, где ей, собственно, и место.

Он смотрел вдаль, на освещенный солнцем и поросший кое-где молодой травой склон холма, на этот проблеск весны, сверкнувший в мире, который выглядел так, словно из него навсегда исчезли и девственная зелень, и цветы. Стадлер радостно улыбнулся, но, когда солнце вновь скрылось, внезапно почувствовал унижение – за свою наивную радость, за отчаянное желание сохранить это чувство. В его памяти всплыло интервью, которое он дал прошлой зимой известному писателю. Писатель приехал из Европы, чтобы написать о нем статью, и он, презирующий всякие интервью, говорил так страстно, так долго, слишком долго, заметив проблески интеллекта на лице собеседника и почувствовав необоснованную, отчаянную

потребность быть понятым. Статья оказалась набором фраз, чрезмерно восхваляющих его и искажающих каждую высказанную им мысль. Закрыв журнал, он ощутил тогда то же чувство, что и сейчас, когда за тучами скрылся последний луч солнца.

Хорошо, размышлял Стадлер, отворачиваясь от окна, я признаю, что временами приступы одиночества одолевают меня, но я обречен на такое одиночество, это жажда ответного чувства живого, мыслящего разума. Я так устал от всех этих людей, думал он с презрительной горечью, я работаю с космическим излучением, а они не способны справиться с обычной грозой.

Он ощутил, как внезапно его губы передернулись, словно от пощечины, запрещающей ему думать об этом, и поймал себя на том, что смотрит на лежащую на столе книгу в блестящей глянцевой обложке. Книга вышла в свет две недели назад. Но я не имею к этому никакого отношения! – мысленно воскликнул он; крик затих в беспощадной тишине – ни ответа, ни прощающего эха. Заголовок на обложке гласил: "Почему вы думаете, что вы думаете?"

Ни звука не раздалось в безмолвии, царившем в его сознании и напоминавшем тишину в зале суда, – ни жалости, ни слова оправдания, лишь строки, отпечатанные в его сознании безупречной памятью:

"Мысль – примитивный предрассудок. Разум – иррациональная идея, наивное представление о том, что мы способны мыслить. Это ошибка, за которую человечество платит непомерную цену".

"Вы думаете, что вы думаете? Это иллюзия, порожденная работой желез, эмоциями и, в конечном счете, содержимым вашего желудка".

"Серое вещество, коим вы так гордитесь, подобно кривому зеркалу в комнате смеха. Оно передает искаженное отражение действительности, которая всегда будет выше вашего понимания".

"Чем увереннее вы в своих рациональных заключениях, тем выше вероятность, что вы ошибаетесь".

"Поскольку ваш мозг – орудие искажения, то чем он активнее, тем сильнее искажение".

"Гиганты мысли, которыми вы так восхищаетесь, когда-то учили, что Земля плоская, а атом – мельчайшая частица материи. Вся история науки представляет собой последовательность ниспровергнутых заблуждений, а не безошибочных достижений".

"Чем больше мы знаем, тем яснее понимаем, что ничего не знаем".

"В наши дни только полнейший невежда может придерживаться старомодного понятия о том, что увидеть значит поверить. То, что вы видите, должно подвергаться сомнению в первую очередь".

"Ученый понимает, что камень вовсе не камень. На самом деле он тождественен пуховой подушке. Оба предмета представляют собой лишь образование из невидимых вращающихся частичек. Вы возразите, что камень нельзя использовать как подушку. И это еще раз доказывает нашу беспомощность перед лицом реальности".

"Последние научные достижения, такие как потрясающие открытия доктора Роберта Стадлера, убедительно доказывают, что разум не в состоянии постичь природу вселенной. Эти открытия привели ученых к противоречиям, которые, согласно человеческому разуму, невозможны, но все же существуют. Если вы этого еще не знаете, мои дорогие друзья-ретрограды, позвольте сообщить вам доказанный факт: все рациональное безумно".

"Не ищите логики. Все находится в противоречии ко всему остальному. Не существует ничего, кроме противоречий".

"Не ищите здравого смысла. Поиск смысла является отличительным признаком абсурда. Естеству не присущ смысл. Единственными участниками крестового похода за смыслом являются старообразная ученая дева, которая не может найти себе любовника, и лавочник-

ретроград, который считает, что вселенная так же проста, как его аккуратная опись товаров и любимый кассовый аппарат".

"Давайте же избавимся от этого предрассудка, который зовется логикой. Неужели какой-то силлогизм может помешать нам?"

"Итак, вы считаете, что уверены в своем мнении? Вы ни в чем не можете быть уверены. Неужели вы готовы подвергнуть опасности гармонию своего окружения, свою дружбу с ближними, положение, репутацию, честное имя и материальную обеспеченность ради иллюзии? Ради миража, имя которому – "я думаю, что я думаю"? Неужели вы готовы рискнуть и накликать несчастье, выступая против существующего общественного порядка во имя мнимостей, которые вы называете своими убеждениями, в такое смутное время, как наше? Вы утверждаете, что уверены в своей правоте? Правых нет и никогда не будет. Вы чувствуете, что окружающий мир неправилен и несправедлив? Вы не можете этого знать. Все неправильно в глазах людей – зачем же оспаривать это? Не нужно спорить. Признайте это. Примите это. Подчинитесь".

Книга была написана доктором Флойдом Феррисом и издана Государственным институтом естественных наук.

– Я не имею к этому никакого отношения, – произнес доктор Стадлер. Он неподвижно стоял у стола, ощущая, что потерял счет времени, и не осознавая, как долго длился предшествующий момент. Он произнес эти слова вслух враждебно-саркастическим тоном, обращаясь к тому, кто бы он ни был, кто заставил его сказать это.

Он пожал плечами. Придерживаясь мнения, что самоирония красит человека, этим жестом он словно сказал себе: "Роберт Стадлер, не веди себя как школяр-неврастеник". Он сел за стол и тыльной стороной ладони оттолкнул книгу в сторону.

Доктор Флойд Феррис опоздал на полчаса.

– Прошу прощения, – проговорил он, – но по дороге из Вашингтона у меня снова сломалась машина, и я порядочно прождал, пока ее не починили, – на дорогах так мало машин, что половина станций обслуживания закрыта. – Он говорил не столько виновато, сколько раздраженно. Он сел, не дожидаясь приглашения.

Выбери Флойд Феррис какую-нибудь другую профессию, никто не назвал бы его привлекательным, но в той, которую он избрал, о нем всегда говорили не иначе как об "этом красавце-ученом". Он был высокого роста и сорока пяти лет от роду, но ему удавалось выглядеть еще выше и моложе. У него был безукоризненно свежий, даже щегольской вид, движения отличались легкостью и изяществом, но одевался он неизменно строго – черный или темно-синий костюм. У него были тщательно ухоженные усики, а гладкие черные волосы служили сотрудникам института поводом для шуток вроде той, что Флойд Феррис пользуется одним кремом для обуви и для головы. Он не уставал повторять, словно подшучивая над самим собой, что один режиссер как-то предложил ему сыграть роль известного европейского жиголо. Флойд Феррис начал карьеру как биолог, но об этом уже давно забыли; его знали как главного администратора ГИЕНА.

Доктор Стадлер с удивлением взглянул на него. Чтобы Флойд Феррис опоздал и не извинился – такого еще не было.

– Мне кажется, что вы проводите в Вашингтоне большую часть своего времени, – сухо заметил он.

– Но разве не вы, доктор Стадлер, сделали мне как-то комплимент, назвав меня сторожевым псом института? – вежливо сказал доктор Феррис. – Разве не в этом состоит моя основная обязанность?

– По-моему, некоторые обязанности требуют вашего присутствия здесь. Но пока я не забыл,

не расскажете ли вы мне, что это за недоразумение с дефицитом мазута?

Он не мог понять, почему лицо доктора Ферриса вдруг вытянулось и приняло оскорбленное выражение.

– Позволю себе заметить, что все это очень неожиданно и события носили крайне непредсказуемый характер, – сказал Феррис тем официальным тоном, который, якобы скрывая страдания, выставляет их напоказ. – Представители властей, вовлеченные в это дело, не нашли никакого повода для критики. Мы недавно представили на рассмотрение в Отдел экономического планирования и национальных ресурсов подробный отчет о результатах наших работ на сегодняшний день, и мистер Висли Мауч остался очень доволен. В этом проекте мы сделали все что могли, и я не слышал, чтобы кто-нибудь назвал это недоразумением.

Учитывая особенности местности, масштабы пожара и тот факт, что прошло всего шесть месяцев с тех пор, как мы...

– О чем вы говорите? – перебил его Стадлер.

– О проекте восстановления промыслов Вайета. Разве вы не об этом меня спрашивали?

– Нет, – сказал доктор Стадлер, – нет, я... подождите. Дайте сообразить. Кажется, я вспомнил – это что-то относительно ответственности института за проект восстановления. Что вы там восстанавливаете?

– Нефть, – ответил доктор Феррис. – Нефтяные промыслы Вайета.

– Там ведь был пожар? В Колорадо? Кто же... подождите... Кто-то поджег собственные нефтяные вышки.

– Я склонен полагать, что это всего лишь слух, спровоцированный массовой истерией, – сухо произнес доктор Феррис. – Слух с весьма нежелательным, непатриотическим душком. Я бы не стал слепо доверять всем этим газетным рассказам. Лично я считаю, что это был несчастный случай и Эллис Вайет погиб при пожаре.

– Кому сейчас принадлежат эти промыслы?

– В настоящий момент никому. Поскольку не осталось ни завещания, ни наследников, то в качестве меры, продиктованной общественной необходимостью, заботу о месторождении на семь лет взяло на себя правительство. Если за это время Эллис Вайет не объявится, он будет официально считаться мертвым.

– Но почему они обратились к вам... к нам с таким необычным поручением, как добыча нефти?

– Потому что это проблема огромной технологической сложности, требующая привлечения самых талантливых ученых. Видите ли, речь идет о восстановлении особого способа добычи нефти, применявшегося Вайетом. Там все еще находится его оборудование, хотя и в ужасном состоянии; известны некоторые технологические операции, однако полное описание всего процесса или хотя бы основных принципов почему-то отсутствует. Это нам и предстоит узнать.

– Ну, и каковы же результаты?

– Более чем обнадеживающие. Нам выделили значительные дополнительные средства. Мистер Мауч доволен нашей работой. Того же мнения придерживаются мистер Бэлч из Комитета по чрезвычайным положениям, мистер Андерсон из Отдела снабжения и мистер Петтибоун из Отдела по защите прав потребителей. Я не вижу, чего еще можно ожидать. Проект вполне успешен.

– Вы уже получили нефть?

– Нет, но нам удалось выжать из одной скважины шесть с половиной галлонов. Это, конечно, результат, имеющий сугубо лабораторное значение, но необходимо принять во внимание, что мы потратили целых три месяца на борьбу с пожаром, который сейчас полностью – почти полностью – потушен. Перед нами стоит значительно более сложная задача, чем перед

Вайетом, ведь он начинал с нуля, а мы вынуждены работать среди обгорелых развалин, оставленных нам безответственным вредителем, врагом народа, который... Я хочу сказать, что перед нами трудная задача, но нет никаких сомнений в том, что мы с ней справимся!

– Вообще-то я имел в виду дефицит топлива здесь, в институте. Всю зиму в здании было невыносимо холодно. Мне сказали, что это вызвано необходимостью экономить нефть. Определенно вы могли бы принять меры, чтобы наш институт обеспечивался нефтью и прочим в том же роде более эффективно.

– А, вот вы о чем, доктор Стадлер! Прошу меня извинить, – сказал Феррис с улыбкой облегчения. К нему вернулась обычная учтивость. – Вы хотите сказать, что температура была настолько низка, что это причинило вам неудобство?

– Я хочу сказать, что чуть не замерз до смерти.

– Это совершенно непростительно. Почему меня не поставили в известность? Доктор Стадлер, прошу вас, примите мои личные извинения, уверяю, что подобное не повторится. Единственным оправданием для наших хозяйственных служб может быть тот факт, что дефицит топлива вызван не их халатностью, а... Хотя я понимаю, что вам это ничуть не интересно и подобные проблемы недостойны вашего бесценного внимания... видите ли, этой зимой нехватка нефти стала общенациональной проблемой.

– Что? Только ради Бога не говорите мне, что промыслы Вайета были единственным источником нефти в стране!

– Нет, нет, что вы, но внезапное исчезновение одного из крупнейших поставщиков вызвало хаос на рынке. Правительство было вынуждено взять управление на себя и ввести нормированное распределение нефти по стране, чтобы важнейшие предприятия не остановились. Мне удалось, благодаря моим связям, в порядке исключения выбить для института очень большую квоту, но я чувствую себя глубоко виноватым, если этого оказалось недостаточно. Уверяю вас, что подобное не повторится. Это лишь временный кризис. К следующей зиме мы восстановим промыслы Вайета, и все встанет на свои места. Что же касается нашего института, то я договорился о переделке наших топок на печи, использующие уголь. Их должны были сделать к следующему месяцу, но литейный завод Стоктона в Колорадо внезапно закрылся – он изготавливал детали для наших печей. Эндрю Стоктон неожиданно отошел от дел, и теперь приходится ждать, когда его племянник возобновит производство.

– Понятно. Надеюсь, что наряду с остальными обязанностями вы уделите внимание и этому вопросу. – Доктор Стадлер раздраженно пожал плечами. – Это становится смешным: правительство взваливает на научный институт все больше и больше проблем чисто технологического характера.

– Но, доктор Стадлер...

– Знаю, знаю, от этого никуда не денешься. Кстати, что это за проект "К"?

Доктор Феррис бросил на него быстрый взгляд – в этом настороженном взгляде читалось скорее удивление, чем испуг.

– Кто вам сказал о проекте "К", доктор Стадлер?

– Я слышал, как двое ваших молодых коллег говорили о нем с таинственным видом детективов-любителей. Они поведали мне, что это большой секрет.

– Да, это так, доктор Стадлер, это совершенно секретный исследовательский проект, который правительство доверило нам. И очень важно, чтобы газетчики не пронюхали о нем.

– Что означает "К"?

– Ксилофон. Проект "Ксилофон". Это, естественно, зашифрованное название. Работа связана со звуком, но я уверен, что это не заинтересует вас. Это чисто технологический проект.

– Да, избавьте меня от объяснений. У меня нет времени на технологические проекты.

– Доктор Стадлер, я думаю, мне не стоит говорить, что было бы благоразумно не упоминать о проекте "К"?

– Хорошо, хорошо. Хотя должен заметить, что мне не нравятся обсуждения подобного рода.

– Конечно! Я не прощу себе, если позволю отнимать ваше время такими разговорами. Поверьте, вы можете спокойно возложить эти проблемы на меня. – Он слегка выпрямился, будто собирался встать. – Итак, если вы вызывали меня по этому поводу, то уверяю вас, я...

– Нет, – медленно произнес доктор Стадлер, – я хотел поговорить с вами о другом.

Феррис ничего не ответил. Он просто сидел и ждал. Доктор Стадлер протянул руку и легким пренебрежительным толчком подвинул книгу к центру стола:

– Вы не скажете мне, что означает этот образчик непристойности?

Доктор Феррис, не взглянув на книгу, некоторое время пристально смотрел в глаза Стадлеру, потом откинулся назад и произнес со странной улыбкой на губах:

– Я польщен, что вы делаете для меня исключение, читая книгу для широкой публики. Двадцать тысяч экземпляров этого скромного опуса разошлось за две недели.

– Я прочитал его.

– И что?

– Я жду объяснений.

– Вы нашли текст непонятным?

Доктор Стадлер с недоумением посмотрел на него:

– Вы осознаете, какую тему выбрали для обсуждения и в какой манере это делаете? Один стиль чего стоит!

– Так вы считаете, что содержание заслуживает более пышной формы? – Феррис произнес это столь невинным тоном, что доктор Стадлер не мог определить, было это издевательством или нет.

– Вы отдаете себе отчет в том, что вы проповедуете в этой книге?

– Так как вы, насколько я понимаю, не одобряете эту книгу, я хочу, чтобы вы знали, что она написана без всякого злого умысла.

Вот она, подумал доктор Стадлер, эта странность в поведении Ферриса; он предполагал, что в данном случае достаточно будет высказать неодобрение, но казалось, на Ферриса это не произвело никакого впечатления.

– Если бы какой-нибудь пропойца-невежда в дикой ненависти ко всему разумному нашел в себе силы выразить свои мысли на бумаге и написал такую книгу, я бы не удивился. Но знать, что она написана ученым, и видеть гриф нашего института!

– Но, доктор Стадлер, она не адресована ученым. Она написана именно для невежд.

– Что вы имеете в виду?

– Для толпы.

– Но Боже ты мой! Последний тупица обнаружит кричащие противоречия в каждом вашем утверждении.

– Скажем так, доктор Стадлер: тот, кто не видит этого, заслуживает того, чтобы верить в мои утверждения.

– Но вы освятили эту омерзительную галиматью престижем науки! Я еще понимаю, когда подобную околесицу под видом заумного мистицизма несет какое-нибудь жалкое ничтожество вроде Саймона Притчета, – все равно его никто не слушает. Но вы внушаете людям мысль, что это наука. Наука! Вы пользуетесь достижениями разума, чтобы разрушить его. По какому праву вы используете мою работу, непозволительно, нелепо перенося ее выводы в совершенно иную область, и делаете чудовищные обобщения на основе чисто математической проблемы? По какому праву вы подаете это так, будто я – я – дал согласие на издание вашей книги?

Доктор Феррис никак не отреагировал на его слова. Он спокойно смотрел на доктора Стадлера, и это спокойствие придавало ему почти снисходительный вид.

– Доктор Стадлер, вы говорите так, будто эта книга адресована мыслящему читателю. Если бы это было действительно так, пришлось бы принять во внимание такие категории, как точность, обоснованность, логика и престиж науки. Но это не так. Она адресована народу. А вы всегда повторяли, что народ не поймет. – Он остановился, но доктор Стадлер молчал. – Может показаться, что книга не имеет никакой философской ценности, но она имеет огромную психологическую ценность.

– Не понимаю.

– Видите ли, доктор Стадлер, люди не хотят думать. Чем глубже они погружаются в свои заботы, тем меньше хотят думать. Но подсознательно они чувствуют, что должны думать, и чувствуют себя виноватыми. Поэтому они благословят и последуют советам любого, кто найдет оправдание их нежеланию мыслить; любого, кто превратит в добродетель – сверхинтеллектуальную добродетель – то, что они считают своим грехом, своей слабостью, своей виной.

– И вы потворствуете этому?

– Это путь к популярности.

– Зачем же вам популярность?

Феррис вскользь, как бы ненароком взглянул в лицо доктору Стадлеру.

– Мы государственное учреждение, – спокойно ответил он – существующее за счет налогоплательщиков.

– И поэтому вы проповедуете, что наука – сплошное мошенничество, которое необходимо искоренить!

– Именно к такому выводу можно прийти логическим путем, прочитав мою книгу. Но это не то заключение, которое они сделают.

– А как насчет позора для института в глазах мыслящих людей? Ведь они определенно еще остались где-то.

– Почему мы должны о них беспокоиться?

Доктор Стадлер мог бы счесть последнюю фразу чем-то не выходящим за пределы разумения, будь она произнесена с ненавистью, завистью или злобой, но отсутствие этих эмоций, небрежная легкость тона, легкость, предполагающая усмешку, поразили его, как внезапная вспышка чего-то нереального, пронзившего его леденящим ужасом.

Вы не следили за реакцией на мою книгу, доктор Стадлер? О ней отзывались весьма благосклонно.

– Да – именно в это невозможно поверить. Он должен был говорить так, будто это интеллигентная беседа, у него не было времени разобраться в своих чувствах. Я не в состоянии понять, почему все солидные научные журналы уделили вам такое внимание и как они посмели всерьез обсуждать вашу книгу. При Хью Экстоне ни одно научное издание не осмелилось бы говорить о ней как о труде, к которому позволительно применить определение "философский".

Но Хью Экстона нет.

Доктор Стадлер почувствовал, что обязан сейчас произнести некие слова, – и надеялся, что сумеет закончить разговор до того, как поймет, что же это за слова.

– С другой стороны, продолжал доктор Феррис, реклама моей книги – а я уверен, что вы и не заметили такого пустяка, как реклама, содержит выдержки из весьма хвалебного письма, полученного мною от мистера Висли Мауча.

Да кто такой мистер Висли Мауч, черт возьми? Доктор Феррис улыбнулся:

Через год, доктор Стадлер, даже вы не зададите этого вопроса. Скажем так: мистер Мауч

человек, в настоящее время занимающийся распределением нефти.

Что ж, предлагаю вам заняться своим делом. Работайте с мистером Маучем, пусть он занимается нефтью, что же касается идей, ими займусь я сам.

– Было бы любопытно определить демаркационную линию таким образом, – беззаботно заметил доктор Феррис. – Но раз уж речь зашла о моей книге, то стало быть, мы затронули сферу общественных отношений. – Он повернулся к доске, исписанной математическими формулами: – Доктор Стадлер, будет катастрофой, если вы позволите этой сфере отвлечь вас от работы, выполнить которую можете вы один.

Это было сказано с подобострастным уважением, и доктор Стадлер не мог понять, почему в этих словах он расслышал: "Не лезь не в свое дело". Он почувствовал внезапное раздражение и направил его против себя самого, сердито решив, что надо отбросить эти подозрения.

– Общественные отношения? – презрительно произнес он. – Я не нахожу в вашей книге никакой практической цели. Я не понимаю, в чем ее предназначение.

– Не понимаете? – Доктор Феррис быстро взглянул в лицо доктору Стадлеру. Наглый блеск в глазах был слишком кратким, чтобы можно было с уверенностью сказать, что этот блеск имел место.

– Я не могу позволить себе считать, что некоторые вещи возможны в цивилизованном обществе, – строго пояснил доктор Стадлер.

– Необычайно точно подмечено! – воскликнул Феррис. – Вы не можете себе этого позволить. – Доктор Феррис поднялся, давая понять, что разговор окончен. – Прошу вас, доктор Стадлер, сразу же свяжитесь со мной, если что-нибудь в институте причинит вам неудобства, – сказал он. – Всегда к вашим услугам.

Понимая, что последнее слово должно остаться за ним, и подавив в себе постыдное осознание, что он прибегает к дешевому приему, доктор Стадлер саркастически-грубым тоном произнес:

– В следующий раз, когда я вас вызову, позаботьтесь о том, чтобы ваша машина была исправна.

– Конечно, доктор Стадлер. Уверяю вас, что это не повторится, и еще раз приношу свои извинения, – ответил Феррис, словно это была реплика из заученной роли, словно ему льстило, что доктор Стадлер наконец-то усвоил, как должны разговаривать современные люди. – Моя машина причиняет мне массу неприятностей, она разваливается на части, и не так давно я заказал себе новую, самую лучшую модель, "хэммонд" с откидным верхом, но на прошлой неделе Лоуренс Хэммонд отошел от дел без всяких причин и предупреждений, так что я завяз. Эти подонки все время куда-то исчезают. С этим нужно что-то делать.

Феррис ушел. Доктор Стадлер сгорбился за столом, испытывая одно-единственное отчаянное желание – чтобы его никто не видел. Он чувствовал смутную боль, смешанную с отчаянным чувством, что никто, никто из тех, кем он дорожил, больше не захочет его видеть.

Он знал слова, которых так и не произнес. Он не сказал, что выступит с публичным опровержением и от имени института отречется от этой книги. Он не сказал этого, поскольку боялся открыть для себя, что его угроза никак не подействует на Ферриса, что слово Роберта Стадлера не имеет силы. И чем больше он убеждал себя, что позже обязательно рассмотрит вопрос о публичном опровержении, тем отчетливее понимал, что не сделает этого.

Он взял книжку и швырнул ее в мусорную корзину.

Внезапно он мысленно увидел лицо – настолько отчетливо, что мог разглядеть каждую черточку, – молодое лицо, вспоминать которое не разрешал себе уже много лет.

Нет, подумал Стадлер, он не мог прочитать эту книгу, он умер, он наверняка давным-давно умер.

Стадлер ощутил резкую боль и ужас от осознания того, что из всех людей на земле хотел бы увидеть именно этого человека, и при этом вынужден надеяться, что его уже нет в живых.

Он не знал почему – когда зазвонил телефон и секретарь сообщил ему, что на проводе мисс Дэгни Таггарт, – почему он крепко сжал трубку, заметив, что у него дрожит рука. Со дня их последней встречи прошло уже больше года, и он думал, что Дэгни больше не захочет его видеть. Он услышал ее ясный сильный голос – она просила его о встрече.

– Да, мисс Таггарт, конечно, да, разумеется... в понедельник утром. Хорошо... Знаете, мисс Таггарт, у меня сегодня кое-что запланировано в Нью-Йорке, и я могу заскочить к вам в офис во второй половине дня, если вы не возражаете... Нет, нет, нисколько не затруднит, я буду очень рад... Сегодня во второй половине дня, мисс Таггарт, около двух, то есть около четырех часов.

У него не было никаких дел в Нью-Йорке. Он не пытался понять, что побудило его сказать это. Полный ожидания, он улыбнулся, глядя вдаль, на освещенный солнцем склон холма.

* * *

Дэгни вычеркнула из расписания график движения девяносто третьего поезда и почувствовала минутное удовлетворение от того, что сделала это спокойно. Она проделывала подобное уже несколько раз в течение последних шести месяцев. Сначала было трудно, но со временем становилось все легче. Настанет день, думала Дэгни, когда я смогу относиться к этому смертельному расчерку безразлично. Девяносто третий был специальным товарным составом, снабжавшим Хэммондсвилл в Колорадо.

Она знала, что будет дальше: сначала отмена специальных товарных поездов, потом сокращение числа товарных вагонов в Хэммондсвилл, прицепленных, как бедные родственники, в хвост поездов, направляющихся в другие города, затем постепенная отмена остановок в Хэммондсвилле; и наконец, наступит день, когда она сотрет Хэммондсвилл с карты штата Колорадо. Со станциями Вайет и Стоктон все происходило именно в такой последовательности. Услышав, что Лоуренс Хэммонд отошел от дел, она сразу поняла: бесполезно ждать и надеяться, рассчитывая, что его двоюродный брат, поверенный или комитет из местных жителей вновь откроют завод. Она знала одно: пора сокращать расписание.

Прошло меньше полугода с тех пор, как исчез Эллис, – с того дня, который один фельетонист радостно назвал "днем победы простого человека". Все мелкие нефтепромышленники, владевшие тремя скважинами и скулившие, что Эллис Вайет отнял у них средства к существованию, бросились заполнять оставленное им пространство. Они организовали лиги, кооперативы, ассоциации; они объединили свои средства и ценные бумаги в общий фонд. "Маленький человек обрел место под солнцем", – написал фельетонист. Их солнцем было пламя пожара, бушевавшего над "Вайет ойл". В этом ослепительном зареве они добились успеха, о котором так мечтали, успеха, не требующего ни знаний, ни умения, ни усилий. Вскоре их крупные клиенты, такие как электростанции, которые потребляли нефть целыми составами и не желали делать скидку на несовершенство человеческой природы, начали переходить на уголь. Заказчики помельче, мирившиеся с некомпетентностью, разорялись один за другим. Парни из Вашингтона ввели нормированное распределение нефти и дополнительный налог для поддержания безработных нефтяников, затем закрылось еще несколько крупных нефтяных компаний, и "маленькие люди под солнцем" вдруг обнаружили, что головка бура, стоившая раньше сто долларов, теперь стоит пятьсот, поскольку при отсутствии массового спроса на нефтедобывающее оборудование его производители, чтобы не обанкротиться, заламывали за свою продукцию баснословную цену; потом начали закрываться нефтепроводы, так как нечем было платить за техобслуживание, и железным дорогам было предоставлено право поднимать тарифы на грузовые перевозки; подсчитав количество нефти и стоимость

перевозок, две небольшие линии попросту закрылись. Солнце зашло – и "маленькие человеки" обнаружили, что эксплуатационные расходы, при которых, они могли сводить концы с концами на своих участочках в шестьдесят акров, были возможны лишь тогда, когда рядом простирались безбрежные просторы промыслов Вайета. Теперь же они взмыли до небес вместе с клубами дыма. Лишь когда их состояния испарились без следа, а насосы остановились, "маленькие человеки" поняли, что ни один предприниматель в стране не в состоянии покупать нефть по цене, равной расходам на ее добычу. Затем парни из Вашингтона предоставили нефтепромышленникам субсидии, но не каждый имел друзей в Вашингтоне, и возникла ситуация, в которую было боязно вникать и даже обсуждать.

Положению Эндрю Стоктона завидовали многие бизнесмены. Лихорадочный переход на уголь свалился на него как золотая гиря: он держал свой завод в круглосуточном рабочем режиме и, обгоняя метели следующей зимы, изготавливал детали для угольных печей и топок. В стране осталось не так много надежных литейных заводов; Стоктон стал одним из столпов, снабжавших подвалы и кухни страны. Столп рухнул без предупреждения. Эндрю объявил, что оставляет дело, закрыл завод и исчез. Он не сделал никакого намека на дальнейшую судьбу завода, даже не сказал, имеют ли его родственники право вновь открыть его.

На дорогах страны еще попадались автомобили, но они двигались, как путешественники в пустыне, которые проходят мимо зловещих конских скелетов, выбеленных солнцем; они проезжали мимо скелетов автомобилей, развалившихся на ходу. Люди перестали покупать машины, и автомобильные заводы закрывались. Но кое-кто по-прежнему мог доставать нефть – благодаря личным связям, о которых все предпочитали умалчивать. Эти люди покупали машины за любую цену. Горы Колорадо освещались светом огромных окон завода Лоуренса Хэммонда, со сборочного конвейера которого к подъездному пути "Таггарт трансконтинентал" сходили грузовые и легковые автомобили. Весть о прекращении деятельности Лоуренса Хэммонда пришла, когда ее меньше всего ожидали, быстрая и внезапная, как резкий удар колокола в мрачной тишине. Комитет из местных жителей передавал обращения по радио, призывавшие Лоуренса Хэммонда, где бы он ни был, разрешить открыть завод. Но ответа не было.

Дэгни кричала, когда исчез Эллис Вайет, она задыхалась, когда отошел от дел Эндрю Стоктон; услышав, что и Лоуренс Хэммонд бросил завод, она безразлично спросила себя: "Кто следующий?"

– Нет, мисс Таггарт, я не нахожу этому объяснений, – сказала сестра Эндрю Стоктона, когда Дэгни зашла к ней во время последней поездки в Колорадо два месяца назад. Он ничего не говорил мне об этом, я даже не знаю, жив он или нет, впрочем, как и Эллис Вайет. Нет, накануне ничего особенного не произошло. Помню только, что в тот вечер к нему пришел незнакомый мужчина. Раньше я никогда его не встречала. Они говорили допоздна, когда я легла спать, в кабинете Эндрю еще горел свет.

Люди в промышленных городках Колорадо молчали. Дэгни видела, как они проходили по улицам мимо аптек, магазинов, бакалейных лавок; они словно надеялись, что движение поможет им не задумываться о будущем. Она тоже ходила по улицам, не поднимая головы, чтобы не видеть груды покрытых копотью камней и искореженной стали, – того, что осталось от нефтяных промыслов Вайета.

Одна из вышек на гребне холма все еще горела. Никто не мог ее потушить. Проходя по улицам, Дэгни видела рвущийся в небо сноп пламени. Она видела его ночью из окна поезда: яростное пламя, кольшущееся на ветру. Люди называли его факелом Вайета.

Самый длинный состав на линии Джона Галта насчитывал сорок вагонов; самый быстрый двигался со скоростью пятьдесят миль в час. Надо было беречь двигатели: сейчас они работали на угле, и срок их эксплуатации давно истек. Джиму удалось найти мазут только для

локомотивов, тянувших "Комету" и пару скоростных составов дальнего следования. Единственным поставщиком топлива, на которого она могла положиться и с которым могла иметь дело, был Кен Денеггер из "Денеггер коул" в Пенсильвании.

Пустые поезда грохотали по четырем штатам, примыкающим к Колорадо. Они перевозили овец, корма, дыни и случайного фермера с принарядившейся семьей, у которого были друзья в Вашингтоне. Джим получал из Вашингтона субсидию на каждый рейс, который числился не как коммерческий, а как "социально значимый".

Дэгни стоило невероятных усилий обеспечивать движение поездов на участках, где они еще были нужны, по территориям, где все еще теплилось производство.

Но из балансовых отчетов "Таггарт трансконтинентал" было видно, что субсидии, выбитые Джимом на поезда, перегонявшиеся порожняком, значительно превышали прибыль, которую приносили грузовые составы, идущие из пока еще активных индустриальных районов страны.

Джим хвастался, что эти шесть месяцев оказались самыми доходными за всю историю существования "Таггарт трансконтинентал". В графе "прибыль" на глянцевых листах его доклада акционерам числились деньги, не заработанные им, – субсидии на порожняк; и деньги, не принадлежащие ему, – дивиденды, которые компания должна была выплатить держателям акций, и суммы, предназначенные на оплату процентов и выкуп облигаций "Таггарт трансконтинентал". По распоряжению Висли Мауча Таггарт получил разрешение не выплачивать этот долг. Он хвастался огромным потоком грузовых перевозок "Таггарт трансконтинентал" в Аризоне, где Дэн Конвэй закрыл последнюю линию "Финикс – Дуранго" и отошел от дел, и в Миннесоте, где Пол Ларкин перевозил руду по железной дороге, в результате чего последнее пароходство, занимавшееся грузовыми перевозками на Великих Озерах, прекратило свое существование.

– Ты всегда считала, что умение делать деньги – великая добродетель, – говорил ей Джим, чуть заметно улыбаясь. – Кажется, мне это пока удается лучше, чем тебе.

Никто не выражал желания разобраться в вопросе замораживания облигаций, возможно потому, что все достаточно ясно представляли ситуацию. Сначала среди держателей облигаций появились признаки паники, и в обществе стало нарастать возмущение. Затем Висли Мауч издал новый указ, согласно которому облигации могли быть "разморожены" по предъявлении заявления о "крайней необходимости" и правительство взяло на себя обязательство приобретать их, если сочтет "доказательство необходимости" весомым. Отсюда вытекало три вопроса, которые никто не задавал и на которые никто не отвечал. Что можно считать доказательством? Что можно расценивать как "необходимость"? И кто будет определять, "крайняя" она или не "крайняя"?

Затем стало дурным тоном обсуждать, почему одному позволили разморозить облигации, в то время как другому отказали. Люди отворачивались, поджав губы, когда им задавали этот вопрос. Позволительно было рассказать, описать, но только не объяснять или давать оценку; мистер Смит получил деньги, мистер Джонс – нет, и это все. И когда мистер Джонс кончал жизнь самоубийством, поговаривали: "Ну не знаю; если ему действительно нужны были деньги, правительство дало бы их; но некоторые просто слишком жадны".

Никто не говорил о тех, кто, получив отказ, продавал свои облигации за треть стоимости тем, у кого находились доказательства такого "бедственного положения", которое, как по волшебству, превращало тридцать три замороженных цента в полновесный доллар; никто не говорил о новом бизнесе, развернутом предприимчивыми молодыми людьми, только что окончившими колледж и называвшими себя размораживателями, которые предлагали "помочь составить заявление надлежащим образом". У молодых размораживателей имелись друзья в Вашингтоне.

Глядя на железнодорожное полотно своей дороги с платформы какой-нибудь пригородной станции, Дэгни ловила себя на том, что уже не ощущает былой гордости, но чувствует вину, стыд, словно рельсы покрылись ржавчиной, хуже того – словно ржавчина стала отливаться кровью.

Но, глядя в вестибюле терминала на памятник Нэту Тагарту, она думала: "Это твоя железная дорога, ты проложил ее, ты боролся за нее, тебя не остановили ни страх, ни отвращение. Я не сдамся людям с ржавой совестью и запачканными кровью руками. Я единственная, кто может защитить ее".

Она не отказалась от поисков человека, который изобрел двигатель. Это было единственной частью работы, ради которой она готова была терпеть все остальное. Это было единственной в поле зрения целью, придающей значение ее борьбе. Было время, когда она удивлялась, зачем ей нужно восстанавливать этот двигатель. Казалось, какие-то голоса спрашивали ее: "Зачем?" "Потому что я еще жива", – отвечала она. Но поиски были тщетны. Два инженера из ее компании никого не нашли в штате Висконсин. Она послала их найти людей, которые работали на компанию "Твентис сенчури", чтобы узнать имя изобретателя. Они ничего не узнали. Она послала их просмотреть данные в патентном бюро – ни одного патента на двигатель зарегистрировано не было.

Единственное, что дали поиски, – окуроч сигареты со знаком доллара. Она уже забыла о нем, но недавно нашла его в ящике стола и вечером отдала знакомому продавцу сигарет на вокзале. Старик очень удивился, рассматривая окуроч, осторожно держа его между пальцами; он никогда не слышал о таком сорте и недоумевал, как мог пропустить это.

– Мисс Тагарт, а сигареты были хорошего качества?

– Я, во всяком случае, никогда не курила ничего лучше. Озадаченный, он покачал головой. Старик обещал ей выяснить, где произведены эти сигареты, и принести пачку.

Она пыталась найти ученого, способного взяться за восстановление двигателя. Она опросила людей, которых ей рекомендовали как лучших в своей области. Первый, изучив остатки двигателя и рукопись, тоном вымуштрованного солдафона объявил, что двигатель принципиально не может работать, никогда не работал и он докажет, что существование подобного двигателя невозможно. Второй растягивал слова, словно отвечал надоедливому собеседнику, что не знает, можно ли это сделать, и что ему вообще нет никакого дела до этого. Третий воинственно-наглым тоном произнес, что возьмется за дело при условии заключения с ним контракта на десять лет с ежегодным окладом в двадцать пять тысяч долларов.

– В конце концов, мисс Тагарт, вы собираетесь получить от этого двигателя огромную прибыль, ставя на карту мое время. Вам придется раскошелиться.

Четвертый, самый молодой, молча смотрел на нее. И его лицо выражало презрение.

– Видите ли, мисс Тагарт, я думаю, что этот двигатель вообще не следует восстанавливать, даже если это кому-нибудь по силам. Это настолько превосходит все, что мы имеем, что несправедливо по отношению к ученым не столь высокого ранга, им не останется ни одной области для достижений и открытий. Я считаю, что сильный не имеет права ранить чувство собственного достоинства слабого.

Она приказала ему немедленно убираться из ее кабинета и потом еще долго сидела, не в силах преодолеть изумление и ужас; самое порочное утверждение, которое она слышала, было изречено тоном праведника.

Решение обратиться к доктору Роберту Стадлеру возникло у нее, когда иного выхода уже не оставалось. Она заставила себя позвонить ему вопреки непоколебимому душевному сопротивлению, похожему на тугие тормоза. Она спорила с собой, рассуждая: "Я имею дело с такими людьми, как Джим и Орен Бойл; его вина меньше, почему я не могу обратиться к нему?"

Она не находила ответа на этот вопрос – у нее было лишь стойкое чувство отвращения, ощущение, что доктор Стадлер как раз тот человек, к которому ни в коем случае нельзя обращаться.

Пока Дэгни сидела за столом, глядя на график движения по линии Джона Галта и дожидаясь прихода доктора Стадлера, она задавалась вопросом, почему за все последние годы не появилось ни одного талантливого ученого. И не находила ответа. Она смотрела на перечеркнутый график Движения девяносто третьего поезда – труп этого состава.

У поезда было два свойственных жизни признака: движение и цель; он был похож на живое существо, но сейчас представлял собой лишь некоторое количество мертвых товарных вагонов и двигателей. "Не давай себе времени для чувств, – думала Дэгни, – расчлени мертвое тело как можно скорее, двигатели нужны по всей системе; Кену Денеггеру в Пенсильвании нужны поезда, много поездов, если только..."

Доктор Роберт Стадлер, – раздалось в селекторе на столе.

Он вошел улыбаясь, словно улыбка подчеркивала слова:

– Мисс Таггарт, поверите ли, я бесконечно счастлив вновь видеть вас!

Дэгни не улыбнулась и подчеркнуто вежливо ответила:

– Очень любезно с вашей стороны, что пришли.

Она кивнула, ее стройная, подтянутая фигура не шелохнулась, лишь голова слегка склонилась в медленном официальном кивке.

– Мисс Таггарт, вас бы удивило, если бы я сказал, что искал лишь повода для встречи с вами?

– Во всяком случае я постаралась бы не злоупотреблять вашей любезностью, – без улыбки ответила Дэгни. – Прошу вас, доктор Стадлер, садитесь.

Он осмотрелся:

– Никогда не бывал в кабинете вице-президента железнодорожной компании. Я не ожидал, что он такой... серьезный. Но это соответствует вашей должности.

– Случай, о котором я хочу посоветоваться с вами, очень далек от сферы ваших интересов, доктор Стадлер. Вы даже можете счесть странным, что я позвонила вам. Позвольте объяснить вам причину.

– То, что вы решили мне позвонить, уже само по себе существенная причина. И поверьте, для меня будет величайшим удовольствием, если я хоть в какой-то степени смогу быть вам полезен.

У него была притягательная улыбка человека, который использует ее не для того, чтобы прикрыть ею слова, а для того, чтобы подчеркнуть смелость в выражении искренних чувств.

– Это проблема чисто технологического характера, – сказала она четким, ничего не выражающим тоном молодого механика, обсуждающего сложное задание. – Я полностью осознаю ваше презрение к этой области науки. Я не жду, что вы решите мою проблему, это не тот случай, который мог бы заинтересовать вас лично. Мне просто хотелось бы представить ее на ваше рассмотрение и задать вам два вопроса. Мне пришлось побеспокоить вас, так как эта проблема сопряжена с личностью, наделенной выдающимся умом, – она произносила это безличным тоном, констатируя непререкаемую истину, – а в науке, кроме вас, выдающихся умов не осталось.

Она не знала, почему ее слова так задели его. Она увидела неподвижное лицо Стадлера, неожиданную серьезность во взгляде, странное выражение, казавшееся чуть ли не умоляющим, затем услышала его серьезный голос, словно обремененный каким-то чувством, придавшим ему чистоту и смирение:

– Что это за проблема, мисс Таггарт?

Дэгни рассказала ему о двигателе, о месте, где нашла его; рассказала, что установить имя изобретателя невозможно; она не упоминала о подробностях. Она дала ему фотографии двигателя и уцелевшие листы рукописи.

Пока он читал, она наблюдала за ним. Сначала она заметила в беглом движении глаз профессиональную уверенность, затем небольшую паузу, более пристальное внимание и, наконец, увидела движение губ, которое у другого человека можно было бы принять за свист. Она видела, как он на время прервал чтение и задумался, словно его мысли разбежались в разных направлениях, пытаясь проследить сразу все; она видела, как он начал быстро перелистывать страницы, потом остановился и заставил себя читать дальше, словно разрываясь между желанием продолжать чтение и попыткой охватить разом все открывающиеся перед его внутренним взором возможности. Дэгни заметила его возбуждение, она знала, что сейчас он забыл и про ее кабинет, и про нее – про все на свете; это изобретение полностью завладело его вниманием, и в благодарность за способность так реагировать ей захотелось, чтобы доктор Стадлер мог нравиться ей.

Они молчали более часа, затем он закончил читать и взглянул на нее.

– Поразительно! – радостно и изумленно воскликнул он, словно сообщая новость, которой никак не ожидал.

Дэгни очень хотелось улыбнуться в ответ и разделить с ним радость, но она лишь кивнула и сухо произнесла:

– Да.

– Это потрясающе, мисс Таггарт!

– Да.

– Вы сказали, проблема технологического характера? Она намного шире. Страницы, где он описывает свой преобразователь... Можно увидеть, из какой предпосылки он исходит. Он вышел на новую концепцию энергии, отбросил все шаблоны, в соответствии с которыми его двигатель невозможен. Он сформулировал новую, собственную теорию, раскрыл секрет преобразования статической энергии в кинетическую. Вы понимаете, что это значит? Вы представляете себе, какой подвиг ради чистой, теоретической науки ему пришлось совершить, прежде чем он смог создать этот двигатель?

– Кто? – спокойно спросила она.

– Простите, что вы сказали?

– Это первый из двух вопросов, которые я хотела вам задать, доктор Стадлер. Вы не можете припомнить какого-нибудь молодого ученого, которого знали лет десять назад и который смог бы это сделать?

Он задумался, удивленный; у него не было времени углубиться в этот вопрос.

– Нет, – нахмурившись, медленно произнес он. – Нет, не могу вспомнить никого... и это бесполезно, потому что такие способности никак не остались бы незамеченными... Кто-нибудь обратил бы на себя мое внимание, мне всегда представляют подающих надежды молодых физиков... Вы сказали, что нашли это в исследовательской лаборатории обычного моторостроительного завода?

– Да.

– Невероятно. Что он делал в таком месте?

– Изобретал двигатель.

– Именно это я и имею в виду. Гениальный ученый, который захотел стать промышленным изобретателем? Это просто возмутительно! Он хотел изобрести двигатель и втихаря совершил революцию в энергетике; он даже не побеспокоился о публикации своих открытий, но продолжал работать над своим двигателем. Зачем ему было растрачивать свой гений на бытовую

технику?

– Наверное потому, что ему нравилось жить на этой земле, – непроизвольно вырвалось у нее.

– Простите, что вы сказали?

Ничего, я... я прошу прощения, доктор Стадлер. Я не намерена обсуждать... не относящиеся к делу вопросы. Стадлер вновь погрузился в свои мысли:

– Почему он не пришел ко мне? Почему не появился в каком-либо выдающемся научном учреждении, где ему и надлежало быть? Если у него хватило ума разработать это, он должен был понимать важность того, что сделал. Почему он не опубликовал статью о своей концепции энергии? В общих чертах я понимаю его концепцию, но – черт возьми! – самые важные страницы отсутствуют, формулировки нет! Наверняка кто-нибудь рядом с ним должен был достаточно хорошо разбираться в этом, чтобы рассказать о его работе всему миру. Почему же этого не сделали? Как можно было отказаться, просто взять и отказаться от такого открытия?

– Есть ряд вопросов, на которые я не могу ответить.

– И кроме того, с чисто практической точки зрения, почему этот двигатель оставили в куче хлама? Да любой, даже самый недалекий промышленник с руками оторвал бы этот двигатель, чтобы сделать целое состояние. Для того чтобы распознать его коммерческую ценность, особого ума не надо.

Впервые за все время разговора Дэгни горько улыбнулась, но ничего не сказала.

– А что, найти изобретателя невозможно? – спросил он.

– Совершенно невозможно.

– Вы считаете, что он еще жив?

– У меня есть основания так думать. Но я не уверена.

– Предположим, я попытаюсь найти его по объявлению.

– Нет, не надо.

Но если бы я поместил объявление в научных изданиях и попросил доктора Ферриса... – Он запнулся, его быстрый взгляд встретился с ее взглядом; Дэгни молча выдержала его взгляд; он первый опустил глаза и твердо, холодно закончил: – Я попрошу доктора Ферриса передать по радио, что я желаю с ним встретиться, неужели он откажется?

– Да, доктор Стадлер, думаю, что откажется.

Он не смотрел на нее. Дэгни заметила, как мышцы лица сжались и вместе с тем как-то обмякли, она не могла сказать, какой свет угасал в нем и что заставило ее думать об угасающем свете.

Стадлер небрежным жестом бросил рукопись на стол:

– Люди, которым не хватает практичности, чтобы продавать свои мозги, должны лучше изучить условия объективной реальности.

Он взглянул на нее, словно ожидая гневной реакции. Не ее ответ был хуже, чем гнев, – ее лицо ничего не выражало, будто его суждение не имело для нее никакого значения. Она вежливо произнесла:

– Я хотела спросить вас еще об одном. Не могли бы вы порекомендовать мне физика, который, по вашему мнению, смог бы взяться за восстановление двигателя?

Он посмотрел на нее и усмехнулся, но в этой усмешке сквозило страдание.

– Вас это тоже мучает, мисс Таггарт? Невозможность найти мало-мальски сведущего человека?

– Я переговорила с несколькими физиками, которых мне рекомендовали, и поняла, что они безнадежны.

Стадлер наклонился вперед.

– Мисс Таггарт, – спросил он, – вы обратились ко мне, потому что доверяете мне как ученому? – Вопрос был открытой мольбой.

– Да, – беспристрастно ответила она. – Как ученому я вам доверяю.

Стадлер откинулся назад; у него был такой вид, словно потаенная улыбка сняла напряжение с его лица.

– Мне очень хочется вам помочь, – дружелюбно сказал Стадлер, – и это желание отнюдь не бескорыстно, потому что сейчас у меня нет проблемы сложнее, чем набрать талантливых работников в свой отдел. Да что там талантливых! Меня устроил бы человек, подающий хоть какие-то надежды, но из тех, кого ко мне направляют, не выйдет даже приличного автомеханика. Не знаю, то ли я старею и становлюсь более требовательным, то ли человечество деградирует, но в годы моей молодости мир не был столь интеллектуально бесплодным. А сейчас... Если б вы только видели тех, с кем мне приходится общаться...

Стадлер внезапно замолчал и задумался, словно неожиданно вспомнив о чем-то. У Дэгни появилось такое чувство, словно он знает что-то, о чем не хочет говорить. Это чувство переросло в уверенность, когда Стадлер негодуяюще резким тоном, будто уходя от неприятной темы, сказал:

– Нет, мисс Таггарт, я не знаю, кого вам порекомендовать.

– Что ж... Это все, что я хотела выяснить, доктор Стадлер. Спасибо, что нашли для меня время.

Минуту он сидел молча, словно не решался уйти.

– Мисс Таггарт, не могли бы вы показать мне сам двигатель? – спросил он.

Дэгни удивленно посмотрела на него:

– Конечно... если вы хотите. Но он в подземном хранилище, в одном из тупиковых тоннелей.

– Это ничего, если вы не откажетесь проводить меня. У меня нет никаких особых побуждений. Так, любопытство. Мне просто хотелось бы взглянуть на него.

Когда они стояли в каменном подвале над стеклянным ящиком с металлическими обломками, Стадлер снял шляпу, и Дэгни не могла определить, был ли это обыкновенный жест человека, внезапно сообразившего, что он находится в одном помещении с женщиной, или же это движение сродни тому, как обнажают голову у гроба усопшего.

Они стояли в тишине при свете единственной лампочки, отражавшемся от стеклянной поверхности ящика. Вдалеке стучали колеса, и временами казалось, что внезапный резкий толчок разбудит безжизненные обломки в стеклянном ящике.

– Это замечательно, – тихо сказал доктор Стадлер. – Какое счастье видеть великую, новую, гениальную идею, принадлежащую не мне.

Дэгни посмотрела на него, желая удостовериться, что поняла его правильно. Он произнес эти слова с искренностью, отбрасывающей все условности, не беспокоясь о том, стоило ли позволять ей услышать признание в его страданиях, видя перед собой лишь лицо женщины, способной понять.

– Мисс Таггарт, знаете ли вы отличительную черту посредственности? Негодование из-за успеха другого. Эти обидчивые бездари трясутся над тем, как бы их кто не обскакал. Они и понятия не имеют, какое одиночество появляется, когда достигаешь вершины. Им чуждо это чувство тоски, когда так хочется увидеть человека, равного тебе, разум, достойный преклонения, и достижение, которым можно восхищаться. Они скалятся на тебя из своих крысиных нор, полагая, что тебе нравится затмевать их своим блеском, а ты готов отдать год жизни, чтобы увидеть хоть проблеск таланта у них самих. Они завидуют великому свершению, и в их понимании величие – это мир, где все люди заведомо бездарней их самих. Они даже не осознают, что эта мечта – безошибочное доказательство их посредственности, потому что

человеку воистину великому такой мир просто противен. Им не дано понять, что чувствует человек, окруженный посредственностью и серостью. Ненависть? Нет, не ненависть, а скуку – ужасную, безнадежную, парализующую скуку. Чего стоят лести и похвалы людей, которых не уважаешь? Вы когда-нибудь испытывали сильное желание встретить человека, которым могли бы восхищаться? Чтобы смотреть не сверху вниз, а снизу вверх?

– Я испытываю это желание всю жизнь, – сказала Дэгни. Это был ответ, в котором она не могла ему отказать.

– Я знаю, – произнес он, и в бесстрастной мягкости его голоса было что-то прекрасное. – Я знал это с того момента, как впервые встретился с вами. Поэтому я и пришел сегодня. – Он немного помолчал, но она ничего не сказала, и он продолжил так же спокойно и мягко: – Именно поэтому я хотел увидеть двигатель.

– Понимаю, – тепло произнесла Дэгни; тон был единственной формой признательности, которую она могла ему выразить.

– Мисс Таггарт, – сказал он, опустив глаза и глядя на стеклянный ящик, – я знаю человека, который мог бы взяться за восстановление двигателя. Он отказался работать на меня, поэтому, возможно, это тот человек, который вам нужен. – Он поднял голову, но перед тем, как увидел восхищение в ее глазах, открытый взгляд, которого так ждал, взгляд прощения, разрушил свое мимолетное искупление, добавив светски-саркастическим тоном: – Молодой человек несомненно не горит желанием работать на благо общества или ради процветания науки. Он сказал мне, что не станет работать на правительство. Предполагаю, что его больше интересуют деньги, на которые он мог бы рассчитывать у частного работодателя.

Он отвернулся, чтобы не видеть исчезающее с ее лица выражение, не догадаться о его значении.

– Да, – решительно произнесла она, – возможно, это тот человек, который мне нужен.

– Это молодой физик из Ютского технологического института, – сухо сказал он. – Его зовут Квентин Дэниэльс. Один мой знакомый прислал его ко мне несколько месяцев назад. Он встретился со мной, но от работы, которую я ему предложил, отказался. Я хотел взять его в свой отдел. У него ум настоящего ученого. Не знаю, справится ли он с вашим двигателем, но во всяком случае может попытаться. Думаю, вы легко найдете его в институте. Не знаю, правда, что он сейчас там делает, год назад институт закрыли.

– Спасибо, доктор Стадлер. Я свяжусь с ним.

– Если... если хотите, я был бы рад помочь ему с теоретической частью. Я собираюсь заняться работой самостоятельно, начиная с указаний в этой рукописи. Мне хочется раскрыть секрет его энергии – тот, что раскрыл автор. Надо понять его основной принцип. Если это удастся, мистер Дэниэльс сможет закончить работу, касающуюся непосредственно двигателя.

– Я буду глубоко признательна за любую помощь с вашей стороны, доктор Стадлер.

Они молча шли по вымершим тоннелям, шагая по освещенным голубым светом ржавым рельсам к виднеющимся вдалеке платформам.

На выходе из тоннеля они увидели человека, который, стоя на коленях, неуверенно и беспорядочно колотил по стрелке молотком. Рядом, проявляя признаки крайнего терпения, стоял другой мужчина.

– Да что случилось с этой чертовой стрелкой?

– Не знаю.

– Ты тут уже целый час копаешься!

– Угу.

– И сколько еще прикажешь ждать?

– Кто такой Джон Галт?

Доктор Стадлер вздрогнул. Когда они прошли мимо рабочих, он сказал:

– Не нравится мне это выражение.

– Мне тоже, – ответила Дэгни.

– Откуда оно взялось?

– Никто не знает.

Они помолчали, потом он произнес:

– Знавал я одного Джона Галта. Но он давно умер.

– Кем он был?

– Одно время я думал, что он еще жив. Но сейчас я уверен, что он умер. Это был человек такого ума, что, будь он жив, весь мир только о нем и говорил бы.

– Но весь мир только о нем и говорит. Стадлер остановился как вкопанный.

Да... – медленно произнес он, потрясенный мыслью, которая никогда не приходила ему в голову. – Да... Но почему? – В его словах звучал ужас.

– Кем он был, доктор Стадлер?

– Почему весь мир говорит о нем?

– Кем он был?

Он вздрогнул, покачал головой и резко сказал:

– Это всего лишь совпадение. Имя вовсе не редкое. Это случайное совпадение. Оно никак не связано с человеком, которого я знал. Тот человек мертв. – Стадлер не мог позволить себе осознать все значение слов, которые добавил: – Он должен быть мертв.

* * *

Документ, лежащий на его столе, гласил: "Срочно... Секретно... Чрезвычайные обстоятельства... Крайняя необходимость подтверждена службой директора ОЭПа... На нужды проекта "К" – и требовал, чтобы он продал десять тысяч тонн металла Реардэна Государственному институту естественных наук.

Реардэн прочитал его и посмотрел на управляющего заводом, неподвижно стоявшего перед ним. Управляющий вошел и без слов положил бумагу на стол.

– Думал, вы захотите взглянуть на это, – произнес он в ответ на взгляд Реардэна.

Реардэн нажал кнопку вызова мисс Айвз. Он вручил ей заказ и сказал:

– Отошлите его туда, откуда он поступил. Передайте, что ГИЕНу я не продам ни грамма металла Реардэна.

Гвен Айвз и управляющий посмотрели на него, друг на друга, снова на него; в их взглядах он прочел одобрение.

– Слушаюсь, мистер Реардэн, – ответила Гвен Айвз, принимая листок, словно это была обычная деловая бумага. Она кивнула и вышла из кабинета. Управляющий вышел следом.

Реардэн слабо улыбнулся, разделяя их чувства. Ему была безразлична эта бумажка и возможные последствия.

Шесть месяцев назад, под влиянием внезапного внутреннего потрясения, которое дало выход напору чувств, он сказал себе: сначала действия, работа завода, потом чувства. Это позволило ему хладнокровно наблюдать за тем, как проводится в жизнь Закон о равном распределении.

Никто не знал, как следует исполнять этот закон. Сначала ему сообщили, что он не может выпускать свой металл в количестве, "превышающем количество наилучшего специального сплава, не являющегося сталью", выпускаемого Ореном Бойлом. Но наилучший специальный сплав Орена Бойла был низкопробным месивом, которое никто не хотел покупать. Затем ему сообщили, что он может выпускать свою продукцию в количестве, которое мог бы производить

Орен Бойл. Никто не знал, как это определить. Кто-то в Вашингтоне без всяких объяснений назвал цифру, указывающую количество тонн в год. Все приняли это как есть. Реардэн не знал, как "предоставить каждому заказчику иную долю своей продукции". Заказов накопилось уже столько, что, даже если бы ему позволили работать в полную силу, он не смог бы выполнить их и за три года. Кроме того, ежедневно поступали новые заказы. Это были уже не заказы в старом, благородном понимании; это были требования. По новому закону, заказчик, не получивший причитающейся ему равной доли металла Реардэна, имел право подать на Реардэна в суд.

Равная доля – никто не знал, сколько это. Вскоре Реардэну прислали из Вашингтона молодого расторопного паренька, только что из колледжа, на должность помощника управляющего по распределению. После длительных переговоров с Вашингтоном паренек сообщил, что каждый заказчик будет получать пять тысяч тонн в порядке поступления заявки. Никто не возражал против этой цифры. Возражения не имели смысла; с таким же успехом и абсолютно законно можно было установить норму в один фунт или миллион тонн. Парнишка открыл на заводе контору, где четыре девицы круглосуточно принимали заявки. При производительности завода на данный момент выполнение заказов должно было растянуться по меньшей мере лет на сто.

Пяти тысяч тонн металла не хватило бы и для трех миль железнодорожного полотна "Таггарт трансконтинентал", этого не хватило бы на крепления даже для одной шахты Кена Денеггера. Крупные промышленные предприятия, основные заказчики Реардэна, остались без его продукции. Но неожиданно на рынке появились клюшки для гольфа, сделанные из металла Реардэна, а также кофейные банки, садовые инструменты и водопроводные краны. Кену Денеггеру, который одним из первых сумел оценить новый продукт Реардэна и рискнул, заказав металл вопреки общественному мнению, не было позволено приобрести его; его заказ остался неудовлетворенным и был отменен без предупреждения в соответствии с новым законом. Мистер Моуэн, предавший "Таггарт трансконтинентал" в самый опасный для компании час, теперь производил железнодорожные стрелки из металла Реардэна и продавал их "Атлантик саузерн".

Реардэн молча отворачивался, когда ему говорили о том, что было прекрасно известно всем: на его металле многие за считанные дни сколачивали целое состояние. "Нет, – поговаривали в гостиных, – это нельзя называть черным рынком. Никто не продает сплав нелегально. Люди просто продают свое правд на него. Вернее, даже не продают, а просто маневрируют своими долями". Он ничего не желал знать ни о лабиринте гнусных сделок, по которому доли продавались и перепродавались, ни об одном промышленнике из Виргинии, который выпустил за два месяца пять тысяч тонн заготовок из его металла, ни о том, что негласным партнером этого промышленника был человек из Вашингтона. Реардэн знал, что их прибыль с одной тонны его металла в пять раз превышает его собственную. Он молчал. Все имели право на его металл – все, кроме него самого.

Паренек из Вашингтона, которого сталелитейщики прозвали Наш Нянь, крутился вокруг Реардэна, глядя на него с изумленным любопытством, что, как ни странно, было формой восхищения. Реардэн относился к нему иронически и не скрывал своей неприязни. У паренька не было ни малейшего понятия о морали; ее напрочь вытравили годы, проведенные в колледже, в результате чего он приобрел излишнюю откровенность, наивную и циничную, как обманчивая невинность дикаря.

– Вы презираете меня, мистер Реардэн, – без всякого негодования заявил он однажды. – Это непрактично.

– Почему непрактично?

Вопрос его явно озадачил парня, и тот не нашелся, что ответить. У него никогда не было

ответа на вопрос "почему?". Он изъяснялся утверждениями. Он без колебаний и объяснений говорил о людях: "Он старомоден", "Он неуживчив", "Она неисправима"; закончив колледж с дипломом специалиста-металлурга, он заявлял: "Мне кажется, что для плавки стали требуется высокая температура". Он не высказывал ничего, кроме неопределенных мнений о физической сущности производственных процессов и безапелляционных заявлений о людях.

– Мистер Реардэн, – сказал он однажды, – если вы хотите поставлять больше нашей продукции вашим друзьям, я имею в виду, в большом количестве, это можно устроить. Почему бы нам не обратиться за специальным разрешением на основании крайней необходимости? У меня есть пара друзей в Вашингтоне. Ваши друзья – весьма важные персоны, крупные бизнесмены, так что обойти все эти тонкости с крайней необходимостью будет несложно. Естественно, это повлечет за собой небольшие затраты. Чтобы утрясти дела в Вашингтоне. Знаете, как это бывает, дела требуют затрат.

– Какие дела?

– Вы понимаете, о чем я говорю.

– Нет, – ответил Реардэн, – не понимаю. Почему бы тебе не объяснить мне?

Паренек неуверенно посмотрел на него, что-то взвесил в уме и выдал:

– Это непрактичная позиция.

– То есть?

– Знаете, мистер Реардэн, вовсе не обязательно говорить так.

– Как "так"?

– Слова относительны. Они лишь символы. Если мы не будем пользоваться скверными символами, то ничего скверного и не будет. Я уже все сказал по-своему, почему вы хотите, чтобы я повторил то же самое, но иначе?

– А как я хочу, чтобы ты это повторил?

Почему вы хотите, чтобы я сказал эти слова по-другому?

– По той же причине, по которой ты этого не хочешь. Парень минуту помолчал, затем сказал:

– Знаете, мистер Реардэн, абсолютов нет. Мы не можем придерживаться строгих принципов, мы должны быть гибкими, должны приспособливаться к сегодняшним реалиям и действовать в соответствии с целесообразностью момента.

– Слушай, сопляк, выплавь-ка хоть тонну стали, не придерживаясь строгих принципов, в соответствии с целесообразностью момента.

Необычное, почти эстетическое чувство вызвало у Реардэна презрение к пареньку, но не обиду. Парень гармонировал с духом происходящего. Казалось, они отброшены далеко назад, на тысячелетия, во время, к которому принадлежал паренек, но не он, Реардэн. Вместо того чтобы строить новые печи, размышлял Реардэн, я участвую в безнадежной гонке, поддерживая работу старых; вместо разработки новых идей, новых исследований, новых экспериментов по использованию металла Реардэна, я трачу всю энергию на поиски руды: как люди на заре железного века, думал он, но с меньшей надеждой.

Он гнал от себя подобные мысли. Он должен был зорко следить за собственными чувствами – словно какая-то часть его самого стала чужой и ее нужно держать под постоянным наркозом, а его воля должна была стать бдительным анестезиологом. Эта часть была неведомой, он знал лишь, что не следует докапываться до ее истоков и выпускать ее на волю. Однажды он уже пережил опасный момент, который не должен повториться.

В тот зимний вечер он был один в своем кабинете, его поразила газета с перечнем указов на первой полосе, раскрытая на его столе; он услышал по радио сообщение о пылающих нефтяных вышках Эллиса Вайета. Его первой реакцией – перед тем как возникла мысль о будущем,

ощущение шока, ужаса или протеста – был безудержный хохот. Он смеялся, торжествуя победу, избавление, бьющее струей живое ликование, – и в его душе звучали слова: "Да благословит тебя Бог, Эллис, что бы ты ни делал".

Осознав смысл своего смеха, Реардэн понял в тот вечер, что теперь приговорен к постоянной бдительности по отношению к самому себе. Как человек, переживший сердечный приступ, он знал, что это было предупреждением и что в нем живет недуг, который в любой момент может поразить его,

С тех пор он придерживался ровных, осторожных, строго контролируемых шагов. Но это вновь ненадолго вернулось к нему. Когда он смотрел на заказ ГИЕНа, ему казалось, что отблески зарева над строчками долетали не от мартемов, а от пламени горящих нефтяных вышек.

Мистер Реардэн, – сказал Наш Нянь, услышав об отказе выполнить заказ ГИЕНа, – вам не следовало этого Делать.

– Почему же? – Будут неприятности.

– В каком смысле?

– Это правительственный заказ. Вы не можете отказать правительству.

– Почему?

– Это проект крайней необходимости, к тому же секретный. Очень важный.

– Что за проект?

– Не знаю. Он же секретный.

– Тогда откуда ты знаешь, что он важный?

– Так говорят.

– Кто?

– Вы не должны сомневаться в таких вещах, мистер Реардэн.

– Почему?

– Потому что не должны.

– Если не должен, то это становится абсолютом, а ты говорил, что абсолютов нет.

– Это другое дело.

– Что же в нем особенного?

– Оно касается правительства.

– Ты хочешь сказать, что нет абсолютов, кроме правительства?

– Я хочу сказать, что, если они считают это важным, значит, так оно и есть.

– Почему?

– Я не хочу, чтобы у вас были неприятности, мистер Реардэн, а все к этому идет. Вы слишком часто спрашиваете почему. Почему вы так поступаете?

Реардэн посмотрел на него и ухмыльнулся. Парень осознал, что сказал, и глупо улыбнулся, но выглядел он несчастным.

Человек, пришедший к Реардэну через неделю, выглядел молодо и подтянуто, но не настолько молодо и подтянуто, как ему хотелось. Он был в штатском костюме и кожаных сапогах, какие носят дорожные полицейские. Реардэн не мог точно установить, прибыл он из ГИЕНа или из Вашингтона.

– Я правильно понимаю, что вы отказались продать ваш металл Государственному институту естественных наук, мистер Реардэн? – произнес он мягким, доверительным тоном.

– Правильно, – подтвердил Реардэн.

Но разве это не сознательное нарушение закона?

– Понимайте как хотите.

И можно узнать причину?

Она не заинтересует вас.

– Что вы, напротив. Мы хотим оставаться беспристрастными. Вас не должно смущать, что вы крупный промышленник. Мы не поставим это вам в вину. Мы действительно хотим быть беспристрастными с вами, точно так же, как с любым рабочим. Мы хотим знать ваши доводы.

Опубликуйте мой отказ в газетах, и любой читатель объяснит вам мои доводы. Подобное уже появлялось в газетах чуть больше года назад.

– О нет, нет, что вы! Зачем этот разговор о прессе? Разве мы не можем уладить это дружески, в частном порядке?

– Дело ваше.

– Мы не хотим, чтобы об этом сообщалось в прессе.

– Не хотите?

– Мы не хотим причинить вам вред. Реардэн посмотрел на него и спросил:

– Зачем ГИЕНу понадобилось десять тысяч тонн металла? Что это за проект "К"?

– Ах, это... Это очень важный научно-исследовательский проект, имеющий большое значение; он может принести обществу неоценимую пользу, но, к сожалению, предписания сверху не позволяют мне раскрыть вам его характер во всех деталях.

– Знаете, – сказал Реардэн, – могу сообщить вам – в качестве довода, – что не хочу продавать мой металл тем, кто скрывает от меня свои цели. Я создал его и несу моральную ответственность за то, в каких целях он будет использован.

– О, об этом не беспокойтесь, мистер Реардэн! Мы освобождаем вас от ответственности.

– Предположим, я не хочу быть свободным от нее.

– Но... это весьма старомодное и... чисто теоретическое отношение к делу.

– Я сказал, что могу назвать это причиной своего отказа. Но не буду – потому что у меня есть другая, главная причина. Я не продам металл Реардэна ГИЕНу ни для каких целей, хороших или плохих, явных или скрытых.

– Но почему?

– Послушайте, – медленно произнес Реардэн, – можно найти оправдание первобытному обществу, где человек каждую минуту ожидает, что его убьют враги, и вынужден защищаться как может. Но нет оправдания обществу, в котором от человека требуют, чтобы он создал оружие для собственных убийц.

– Мне кажутся неуместными такие слова, мистер Реардэн. Я думаю, что мыслить такими категориями непрактично. В конце концов, правительство не может, проводя общенациональную политику, принимать во внимание вашу личную неприязнь к деятельности одного конкретного учреждения.

– Так и не надо.

– Что вы имеете в виду?

– Не надо спрашивать меня о моих доводах.

– Но, мистер Реардэн, мы не можем игнорировать нарушение закона. Что вы хотите, чтобы мы сделали?

– Делайте что хотите.

– Но это просто неслыханно! Никто еще не отказывался продать правительству то, что ему крайне необходимо. Кстати, закон не позволяет вам отказывать в продаже вашего сплава любому заказчику, не говоря уже о правительстве.

– Почему же вы тогда не арестуете меня?

– Мистер Реардэн, это дружеская беседа. Зачем говорить о таких вещах, как арест?

– А разве не это является вашим последним аргументом в споре со мной?

– Но зачем говорить об этом?

– А разве это не кроется за каждым вашим словом?

– Но зачем говорить об этом?

– А почему бы и нет? – Ответа не последовало. – Вы пытаетесь скрыть от меня тот факт, что, если бы не этот ваш главный козырь, я бы вас и на порог не пустил?

– Но я не говорю об аресте. Зато я говорю.

– Не понимаю вас, мистер Реардэн.

Я не помогаю вам делать вид, что это дружеская беседа. Она таковой не является. Теперь делайте что хотите.

На лице мужчины появилось недоумение, словно он не понимал предмета разногласий, и страх, словно на самом деле он все прекрасно понимал и жил в постоянном страхе разоблачения.

Реардэн почувствовал странное возбуждение, будто ему вот-вот откроется то, чего он до сего момента не понимал, будто он напал на след какой-то тайны, еще далекой и потому пока непонятной, но чрезвычайно, жизненно важной.

– Мистер Реардэн, – сказал мужчина, – правительству нужен ваш сплав. Вы должны продать его нам, вы же понимаете, что планы правительства не могут зависеть от вашего согласия.

– Продажа, – медленно произнес Реардэн, – требует согласия продавца. – Он встал и подошел к окну. – Я скажу вам, что вы можете сделать. – Он показал на запасной железнодорожный путь, где в товарные вагоны грузили болванки сплава. – Приезжайте сюда на своих грузовиках – как обыкновенные бандиты, но без риска, потому что в вас я стрелять не буду и вы это знаете, – возьмите столько металла, сколько вам нужно, и уезжайте. И не пытайтесь перевести мне оплату. Я не приму ее. Не выписывайте чек. Он не будет предъявлен. Если вам нужен мой металл, у вас есть оружие, чтобы завладеть им. Дерзайте!

– Господи, мистер Реардэн, что подумает общественность!

Это был инстинктивный, произвольный возглас. Лицо Реардэна напряглось от беззвучного смеха. Они оба поняли смысл этого возгласа. Реардэн спокойно произнес степенным, непринужденным тоном, давая понять, что разговор окончен:

– Вы хотите, чтобы я помог вам сделать вид, что это вполне законная сделка. Увы, ничем не могу помочь.

Мужчина не спорил. Он поднялся и сказал:

– Вы пожалеете о своей позиции, мистер Реардэн.

– Не думаю, – ответил Реардэн.

Он понимал, что инцидент далеко не исчерпан. И понимал, что эти люди боятся обнародовать проект "К" вовсе не потому, что он засекречен. Он ощутил необычайную легкость и радостное чувство уверенности в себе. Он знал, что сделал правильные шаги по внезапно открывшемуся ему пути.

* * *

Закрыв глаза и удобно вытянувшись, Дэгни полулежала в кресле гостиной. День выдался трудный, но она знала, что вечером увидит Хэнка Реардэна. Эта мысль, казалось, освобождала ее от омерзительно-бессмысленного бремени прожитого дня.

Она раскинулась в кресле, наслаждаясь отдыхом, ее единственной целью было ждать, когда в замке повернется ключ. Реардэн не позвонил ей, но она знала, что сегодня у него совещание в Нью-Йорке с поставщиками меди, и он никогда не уезжал из города до утра, и не было еще ночи, которую он не провел бы с ней. Дэгни нравилось ждать его. Это ожидание нужно было ей как мост от серых будней к ярким, счастливым ночам.

Предстоящие часы, думала она, как и все ночи, проведенные с ним, прибавятся к лицезрению

счету жизни, где накапливаются мгновения, наполненные гордостью за то, что их прожили. Единственной гордостью рабочих дней было не то, что она их прожила, а то, что она выжила. Это неправильно, думала Дэгни, ужасно, что кто-то вынужден говорить так даже об одном-единственном часе своей жизни. Но сейчас она не могла об этом размышлять. Она думала о Реардэне, о борьбе, которую он вел все эти месяцы,— о его борьбе за освобождение; она знала, что поможет ему выстоять как угодно, только не словами.

Ей вспомнился один из вечеров. Это было прошлой зимой. Придя к ней, Реардэн достал из кармана небольшой сверток и сказал: "Возьми, это тебе". Она раскрыла его и, не веря своим глазам, изумленно уставилась на рубиновый кулон грушеобразной формы, горевший неистовым кровавым огнем на белом атласе. Это был очень дорогой камень, лишь несколько человек в мире могли себе позволить приобрести его; Реардэн не входил в их число.

— Хэнк... зачем?

Просто так. Мне захотелось, чтобы ты носила его.

— О нет, это ни к чему! Он пролежит у меня без дела. Я так редко куда-нибудь выбираюсь.

Когда же мне его носить?

Реардэн медленно обвел ее взглядом с ног до головы и сказал:

— Я тебе покажу.

Он отвел ее в спальню, молча, как хозяин, которому незачем спрашивать разрешения, раздел и повесил кулон ей на шею. Она стояла обнаженная, лишь камень между грудей сверкал словно огромная капля крови.

Конец ознакомительного отрывка книги

[Скачать полный вариант книги](#)